

1. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №3. С. 13-23.
2. Алексеев А. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5. С. 21-29 <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf>.
3. Алексеев А.Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия: В 4-х т. СПб.: Норма. Том 1, 2. 2003; Норма. Том 3, 4. 2005

<<http://www.kiis.com.ua/txt/doc/13062006/book/book.html>>.

4. Беляев Э.В.: "Естественно-научные и социальные интересы — определяющая черта моей личности" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010, №3. С. 2-12

<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/beli-aev_08.html>.

5. "Международная биографическая инициатива". Форум: биографика, социология и история. Протокол № 2-2. Биография и биокритика. С. 62-63

<http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf>.

Защита наблюдающего участника

Андрей Алексеев

Борис Докторов прислал мне реплику Дмитрия Шалина на мою статью, опубликованную осенью прошлого года в "Телескопе" [1], сообщив, что ее публикация предполагается в № 2 за 2012 г.

Читаю — вроде что-то знакомое; пока не сообразил, что это — из нашей сентябрьской (2011 г.) переписки в рамках дискуссии "Биография и биокритика" на форуме "Биографика, социология и история", представленной на сайте "Международная биографическая инициатива" (МБИ) [2]. Автор (Д. Шалин) подверг свой текст минимальной стилистической правке, по содержанию же — никаких отличий.

Разыскал я, на том же сайте, и свой тогдашний ответ на письмо коллеги, который в равной мере может служить ответом и на ныне предложенный Д. Шалиным "Телескопу" текст. Ниже воспроизведу этот ответ.

Уважаемый Дмитрий!

Мои занятия оформлением очередного протокола нашего форума "Биографика, социология и история" отсрочили ответ на Ваше лично-публичное письмо от 25.09.2009. Вот, от групповой дискуссии перейдем к персональной.

Поскольку мое письмо, как и Ваше, имеет характер "открытого", т. е. Вы не единственный его читатель, напомним: Ваша статья "В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина", опубликованная исходно на сайте Проекта МБИ, а затем в "Телескопе" [3], дала повод для моего развернутого комментария — статьи "На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)", сначала также опубликованной на сайте МБИ, и которая вот-вот появится на страницах "Телескопа" (БД: в настоящее время указанная статья уже опубликована [1]). Как отмечено в аннотации, эта статья посвящена критическому разбору круга идей, представленных в Вашей работе "В поисках нарративной идентичности...". "Некоторые из этих идей поддерживаются, некоторые — вызывают сомнение или даже опровержение" [1, С. 21].

Ваше письмо от 25.09.2011 является откликом на эту последнюю статью, вошедшую и в нашу групповую дискуссию, ну а мое нынешнее — продолжением этого разговора.

Вообще-то в контексте нашего форума и дискуссии о "незримом колледже", биографических интервью, биографии и биокритике, соответственно, благодаря этому форуму, разногласий между нами осталось не так уж много, хоть есть среди них и принципиальные. Я остановлюсь только на этих разногласиях, опуская все моменты изначального или достигнутого консенсуса.

Речь пойдет в основном о книге А. Алексеева "Драматическая социология и социологическая ауторефлексия" [4], давшей

Вам повод для пристрастного оппонирования.

1) Судя по тому, что Вы пишете, для Вас мой так называемый "эксперимент социолога-рабочего" 80-х гг. прошлого века есть "эксперимент включенного наблюдения". Последнее к экспериментам, строго говоря, не относится (разве что в очень широком смысле). Но дело даже не в этом. В том-то и дело, что это вовсе не было "включенным наблюдением" (при котором статус социолога не разглашается и т. п.). Ни от кого в цехе или на заводе не скрывалось прежнее место работы новичка (ну, и не афишировалось, впрочем), а сама логика "познания действием" (то, что скромнее называется наблюдающим участием) охотно обсуждалась с теми товарищами по труду, кто проявлял к этому интерес.

(И мои "протоколы заводских коллизий", впрочем, выполненные в оригинальном жанре "технологических замечаний", служебных записок цеховому или заводскому начальству, заметок в заводской газете и даже писем-дневников-отчетов друзьям, не были потаенными — еще и до того, как последние стали предметом идеологических инвектив).

Этому различию "мимикрирующей" и "акционистской" (а также, отчасти, и моделирующей) исследовательских стратегий посвящено много страниц "Драматической социологии...", начиная с первых же глав. Жаль, что данное обстоятельство осталось Вами не замеченным. Однако не заметили этой разницы, Вы, возможно, потому, что она и впрямь не укладывается в сложившиеся традиции и нормативы академической (или университетской) науки, к которой Вы безусловно принадлежите, чего обо мне сказать нельзя.

2) С учетом сказанного выше, не существовало для "социолога-испытателя" и проблемы получения от своих товарищей по работе (не говоря уж о непосредственных или высокопоставленных начальниках) согласия на проведение "с ними" (sic!) натурального эксперимента. Кстати сказать, есть какое-то логическое противоречие между Вашим предположением о "неразглашении статуса" и требованием "согласования с участниками". Тут уж — что-нибудь одно. Ну, какое может быть предварительное "получение разрешения" на то, что составляет самый "образ жизни", предмет повседневной деловой и / или этической практики субъекта, пусть даже в этой практике и есть когнитивная составляющая?

Что касается поиска участников событий, описанных в "Драматической социологии...", постфактум (не очень понятно — разыскивать их до или после опубликования?), так на то и гласность. Кто-то — уже тогда сам "нашелся" и откликнулся, кому-то это безразлично, а кто-то, может, и был задет, да предпочел промолчать.

Это все притом, что — настаиваю! — натуральный эксперимент внедрения новой технологии, новых принципов "вынуж-

денной" и "невынужденной" инициативы, адаптационного нормотворчества в рабочей среде и т. д. был экспериментом не "с" людьми и уж тем более не "над" людьми, а имел своим объектом и "материалом" социальные институты, отношения, функции, социальные роли (пусть персонально воплощенные)². И не затрагивал, понятно, частных, частных сфер жизнедеятельности личности (что вообще дело не социологов, а психологов и /или психотерапевтов).

3) Я уверен, Дима, Вы ошибаетесь и в трактовке 4-томника "Драматическая социология..." как варианта автобиографического повествования. В автобиографии (каким бы ни был ее жанр) еще можно ожидать отображения таких частных сфер, как семейная жизнь или "смена жен" (извините, я Вас цитирую!) [3]³, хотя и то наша история социологии "в лицах" без этого, как правило, обходится [5]. Но обсуждаемая Вами монография — отчет о проведенном многолетнем case study (хоть и не только) — к этой категории дискурсов заведомо не относится (хоть бы сам автор и был там одним из действующих лиц, и даже, может быть, заглавным).

Ваше замечание: "Андрей говорит о своей семье и ее реакции на события тех лет, но при этом приводит одни существенные детали и опускает другие", — как бы дает повод предположить, что оппонент знает, какие именно существенные детали опустил автор... Со своей стороны, замечу, что и в своей автобиографичности, и в своей исповедальности (которых, может быть, и не лишено данное многоаспектное произведение) автор сам задает границу, до которой считает уместным "открывать" себя читателю.

4) Аналогичную логику уместно применить и к Вашим настойчивым "подозрениям", что именно изъяты из публикуемых документов (включая личные письма и дневниковые записи), маркированные: <...>, пусть даже их оказалось много меньше, чем Вы поначалу предположили, таят в себе нечто особенно интересное в биографии и/или ценное для истории. Конечно, во всяких купюрах возможен систематический "перекос", но:

а) Вы, не далее как на материалах нашей нынешней биографической / биокритической дискуссии, могли убедиться в их (купюр) неизбежности — когда по этическим, когда по стилистическим, когда по соображениям сокращения объема;

б) как хорошо объяснил Б. Фирсов в своей статье⁴, "респондент (ну, и автор тоже. — А. А.) прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит" [6, С. 15].

5) Я намеренно не повторяю здесь всех тех аргументов в защиту своей точки зрения, которые уже имел случай высказать — не в последней своей статье "На стыке методологических и этических проблем..."⁵, так в "Драматической социологии". А еще — хочу адресовать Вас к главе 5 нашей с Р. Ленчовским книги "Профессия — социолог..." [7], Эта глава называется: "Наблюдающее участие (Методологический контекст)".

6) И последнее. Не исключено, что наши различия в подходах к одинаковым и/или сходным вещам имеют межкультуральный характер, коренятся в различиях ментальности. Вы, как сами о себе пишете, уже больше половины жизни живете в США, я — всю жизнь в России. У нас — общие корни, но разные

среды обитания, жизненный опыт, научные этосы. Очевидное (точнее было бы сказать: "естественное". — А. А.) для меня может казаться странным Вам, и наоборот. Не отсюда ли и некоторые расхождения в тех методологических и этических позициях, которые (позиции) для нас принципиальны?

Здесь не стоит спорить, а просто иметь в виду, что возможен и совсем другой взгляд на вещи, другое видение.

Вряд ли Вы жалеете о своей "жизни и судьбе" бывшего эмигранта. Равно как и я свою судьбу автохтона ("где родился, там и пригодился") не променял бы на другую. Но эти социальные различия, помноженные еще на индивидуальные особенности, наверно, обуславливают собой и ход нашего мышления, и плоды нашего творчества, и даже, возможно, ценностно-мотивационные доминанты.

Искренне Ваш — Андрей Алексеев.

30.09.2011

Думаю, этим письмом я полгода назад уже ответил на сомнения, возражения, предположения своего уважаемого коллеги. И не стал бы возвращаться к этой теме, если бы Д. Шалин не вынес ее снова на страницы журнала "Телескоп".

Февраль 2012

1. Алексеев А.Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 5. С. 21-29 <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf>.

2. "Международная биографическая инициатива". Форум: биографика, социология и история. Протокол № 2-2. Биография и биокритика. Включения 49 и 74. <http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.2.pdf>.

3. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексеева и Дмитрия Шалина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 3. С. 13-23 <http://cdclv.unlv.edu//pragmatism/shalin_comments-AA-11.html>.

4. Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2003-2005 <<http://narod.ru/disk/1852971001/AA%20DRAM%20SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html>>.

5. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПИМ, 2012 <<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>>

6. Фирсов Б. М. История социологии "в лицах": Биография и / или биокритика // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, № 6. Электронная версия — <http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf>.

7. Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. Электронная версия — <<http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20RL%20PROF-SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html>>

² Если уж и фигурировала личность в качестве предмета экспериментирования, так это личность самого исследователя. 25 лет назад в "Литературной газете" было употреблено выражение "эксперимент на самом себе".

³ См. электронную версию статьи Д. Шалина "В поисках нарративной идентичности...", сноска 54.

⁴ Указанная статья является еще одним откликом на работу Д. Шалина [3].